

Есть ли необходимость строить переходы в образовании как самостоятельные институты? Или, наоборот, для эффективного образования важны именно характеристики непрерывности?

Если переходы требуют специального оформления, то в каких конкретно местах это наиболее уместно и почему? Что мы теряем, и как учащие и как учащиеся, если не строим переходы?

**Есть ли хорошие образцы институционализированных переходов? В чем их преимущества?
(панельная дискуссия)**

Участники: Вячеслав Владимирович Башев, Ирина Васильевна Долгушина, Ольга Анатольевна Карлова, Алексей Михайлович Клешко, Андрей Владимирович Лученков, Павел Зайнулович Магомедов, Александр Анатольевич Попов, Игорь Михайлович Реморенко, Сергей Алевтинович Смирнов, Николай Николаевич Тарасов.

Ведущий: Павел Аркадьевич Сергоманов.

Вступление

Сергоманов П.А.: Традицию панельной дискуссии мы заложили четыре года назад.

Суть дискуссии состоит не в том, чтобы детально решить те вопросы, которые написаны в программе, а в том, чтобы обозначить некоторые позиции по этим вопросам, более четко поставить их.

Надеюсь, что, как и в прошлые годы, панельная дискуссия поможет участникам разобраться в сути тех проблем, которые мы попробуем здесь обсудить.

По правилам ведения панельной дискуссии первый этап обсуждения состоится среди тех, кто, собственно, сейчас выйдет к этому столу. На второй этап обсуждения мы приглашаем всех тех, кто в этом зале, и тех, кто смотрит панельную дискуссию по трансляции в холлах.

I этап панельной дискуссии

Башев В.В.: Я попытаюсь ответить на вопросы, которые обозначены в программе, несколькими тезисами.

Есть ли необходимость строить переходы в образовании как самостоятельные институты? Или, наоборот, для эффективного образования важны характеристики непрерывности?

Все зависит, с моей точки зрения, от задач. Если мы обсуждаем образование как институт, в котором осуществляется развитие человека, то мы, безусловно, должны обсуждать переходы человека от одного качественного состояния к другому.

Переход от одного качественного состояния к другому может случаться, а может проектироваться. Развитие человека может случаться и без образовательного института. Но если мы говорим про себя, т.е. про педагогов, про систему образования, которая должна способствовать развитию человека, то, соответственно, должны понимать, что переходы необходимо строить.

Переходы необходимо специально строить, ставить специальные задачи для них. Более того, в переходе должны работать специальные люди, так сказать, кризисные менеджеры, кризисные управляющие. То есть те специалисты, которые владеют техниками работы с людьми из одного возрастного периода или из одного качественного состояния, но которые при этом уже знают или умеют или у них уже есть гипотезы о том, какие техники работы с людьми следующего качественного состояния. В этом смысле ответ мой достаточно прост. С моей точки зрения, переходы нужно рассматривать как специальные институты. Их нужно строить специальным образом. Для них нужно формулировать специальные задачи и относительно этих переходов нужно понимать, что в них могут работать специально обученные люди.

Карлова О. А.: Я бы, наверное, добавила аргументов этой позиции. Я согласна с коллегой, но мне бы хотелось обратить ваше внимание на следующий момент: мы переходим от линейной системы образования – под линейностью я в данном случае понимаю такую непрерывность ступеней, которая была у нас фактически в нашей системе советско-российского образования. Речь идет о том, что, поступая в вуз, человек получал образование исключительно для профессии.

Вот сейчас мы переходим (или этот переход намечается) к разноплановому образованию. Это не только (для большинства) будет образование для профессии, это будет также образование для жизни. И сегодня у нас тенденция, которая есть во всем мире, когда человек получает образование, понимая, что в его жизни есть какая-то собственность, есть какое-то семейное дело, но, тем не менее, он получает образование не только для этого дела. Он идет вширь. И прошу обратить внимание, это не хобби. Не образование по поводу

хобби. Это новый тип образования, который увеличивает количество площадок, в которых человек реализуется. Тем самым увеличивает и успешность на том поприще, которое он себе в конечном счете избрал, которое будет приносить ему дивиденды.

Это, условно говоря, креативная поляна образования. И вот когда мы получаем такое разноплановое образование, систему, в которой работают разные образовательные локусы, не формировать площадки перехода из одной фазы в другую просто нельзя. Потому что это будут те места, где люди будут просто отбираться, где будет понятно, с какой целью люди продолжают образование и где тот или иной человек.

Смирнов С.А.: Я бы немного заострил разговор. Мне трудно называть переход институтом. Я понимаю переход как некое событие, которое происходит в жизни человека.

Вопрос в другом – как институциональное событие обеспечивать? Какой инфраструктурой?

Вот совсем простой пример. Я приехал из Новосибирска. Всю ночь колыхался в поезде. Для того чтобы попасть из одного города в другой, нужно *переехать*. И для этого создана определенная инфраструктура.

Для того чтобы произошел переход, это надо институционально обеспечить. Какими-то механизмами, средствами, процедурами, нормами. Чтобы человек не то чтобы благополучно, но с пониманием, что с ним происходит, это пережил. Вот это первая фиксация. Для меня переход – это не институт, а некое событие, которое должно институционально обеспечиваться. Тогда вопрос про то, что такое институционализация перехода.

Вторая фиксация: проблема институционализации – это проблема не праздная. У нас вообще институциональный кризис и дефицит с институтами и в экономике, и в политике, культуре, образовании.

В этом смысле для меня вопрос открытый – как институционально обеспечить это событие перехода. Важно то, что это ведь по латыни институализация. В русском языке это слово «привычка». Институтция – это то, что создается человеком для того, чтобы обеспечивать жизнеустойчивость, долгосрочность некоего феномена. Институтция – то, без чего мы не можем жить. Это выстраивается и долговременно. По-русски это те привычки, которые мы укоренили в нашем образе жизни.

В этом смысле переход – это то, без чего мы жить не можем? Или это так, придумки от педагогов развития? Это тот феномен, без которого нельзя в принципе выстраивать образование человека. Если

переход – это событие, без которого нельзя выстраивать образование, тогда да, это очень серьезный заход на обеспечение перехода.

Теперь дальше. А когда происходит переход? Когда он актуализируется? Наверно, тогда, когда происходит некий кризис идентичности в плане ресурсов. Когда привычные способы работы уже отработаны и нечто отстроено и надо совершить шаг в будущее. А шаг в будущее я делать не могу, не получается. Привычная схема не работает. Тогда нужна специальная работа, чтобы совершить переход ОТ ... К...

А сразу попасть нельзя. Как нельзя сразу попасть из детства во взрослость. Значит, в переходе надо какое-то время пребывать. И вот тогда это самое пребывание нужно обеспечить. Но мне трудно назвать это какими-то отдельно взятыми площадками. Наверно, внутри в структурах образовательных практик желательно выстраивать такие механизмы, которые обеспечивали бы эти события перехода. А не городить отдельные площадки перехода. Мне это трудно представить. Вопрос, таким образом, заключается в том, нужно ли внутри образования выстраивать эти события перехода?!

Реморенко И.М.: Я думаю, что с точки зрения управления все-таки изначально акцент делался, как мне показалось, не на институциональном оформлении перехода, а на переходе между разными институтами. Ценно как раз обсуждать некий институциональный разрыв. То есть заканчиваются одни нормы, появляются другие и между ними разрыв. И что здесь происходит?

С точки зрения управления, что это значит? Вообще говоря, как ни крути, а логика направлений ресурсов на разные образовательные ступени в России начинает становиться разной. Вот мы сейчас закончили проект. Я собирался рассказывать о нем завтра, на конкурсе региональных комплексных проектов модернизации образования. Некоторые регионы предлагают финансировать различные образовательные ступени по-разному. И уже есть позиция, что, например, в старшей школе норматив на ученика выше и не просто выше, а еще выше при условии наличия определенного большого количества учащихся. Почему большого количества? Потому что с малым количеством учащихся в старшей школе не организовать насыщенную образовательную среду, в которой могло бы быть профильное обучение, выбор профилей, индивидуальной программы и т.п., а, следовательно, поддерживать нужно ту образовательную ступень, где учащихся немало, для того, чтобы этот выбор состоялся. И норматив нужен в этом случае особый. Там, где их мало, и норматив меньше.

Система управления на институализацию перехода уже реагирует. Реагирует разными моделями финансирования каждой ступени.

Второй момент – задавать разные стандарты. Вообще красивая идея. Давно мы на этой конференции обсуждаем, что надо по-разному, по разной типологии строить стандарты основной школы, подростковой школы и т.д., но ничего не получается. Вообще говоря, все попытки по-разному построить стандарты, в иной типологии, возрастной ориентированной, в России не удались и, по моим прогнозам, не удадутся еще лет десять. Нет корректировок, нет работ. Структура стандарта так и остается в России вневозрастной, к сожалению.

И третий момент. Если все-таки обсуждать идею специального оформления этих переходов, то тут вроде бы напрашивается идея переноса ЕГЭ с девятого в десятый класс. Но пока не очень понимаю, в каком направлении должно быть обсуждение. Может, на этой конференции удастся понять, например, переход из одной возрастной ступени на другую.

Вот три группы вопросов с точки зрения управления, которые надо решать:

Что делать с финансированием в отношении ступеней?

Что делать со стандартами?

Что делать с собственно оформлением процедуры перехода?

Попов А.А.: С моей точки зрения, красноярская конференция сама по себе уже является институтом, части людей она дала дорогу в жизнь и сама собой представляет жизненный переход. В этом смысле спасибо. Это единственное, что я хотел сказать хорошее. Остальное будет критическим.

У меня есть четыре мысли.

Значит, мысль первая. Она связана с тремя типами инноваций в педагогике, которые происходили за последние пятнадцать лет. Первый тип инновационного движения – это тип движения по идеологической волне, и сейчас прямо пофамильно можно определить тех лидеров, кто до сих пор находится в этой идеологической волне и всем рассказывает про чистое развитие, чистое самоопределение, чистую нравственность. Этот ряд можно продолжать.

Второй тип – это редкий случай, когда часть реформаторов начали заниматься образовательными технологиями. Начали отождествлять их с собой, начали их устанавливать, выходили на рынок.

И третий тип иноваторов, которых у нас фактически сегодня в стране нет, их место занимает пока «старая гвардия», так называемые институциональные ядра, старые институты.

С моей точки зрения, для полной технической инновации нужно пройти все три стадии: идеологическую, технологическую, институциональную.

Второй момент – вопрос перехода – это вопрос о новых институтах. Что это означает? Это означает, что до тех пор, пока мы не построим некоторые институты в образовании, я даже не хочу говорить «инновационные», потому что педагогика вся должна быть инновационной.

Нам нужны новые инновации в образовании. Но, к сожалению, очень часто эти самые институты мы не создаем, а размываем.

Три угрозы, которые я вижу со стороны педагогического сообщества, на размывание институциональных образовательных ядер.

Первая – это угроза со стороны управленческого консалтинга, который до сих пор твердит о рамках, стратегиях. С моей точки зрения, время рисования рамок и стратегий уже закончилось. Нам нужны реальные менеджеры. Поэтому ряду методологов я предлагаю самим становиться менеджерами и продюсерами и на деле вести эту самую инновационную педагогику.

Вторая угроза – это бесконечные исследования, которые сопровождают каждую нашу реформу. С моей точки зрения, до тех пор, пока мы не сделали ничего нового, нам исследовать нечего. Исследовать можно те реальные эксперименты, которые ведутся.

Третья угроза – это угроза «тотальной индивидуализации». Мы взяли в свое время этот тезис в противовес коммунистическим тезисам «коллективизации». И до сих пор не можем остановиться. Понасоздавали так называемых новых профессий, при этом потеряли абсолютную предметность в этой индивидуализации. Не нашли поля, на котором это можно производить в нашем российском обществе. В результате обслуживаем либеральные западные взгляды, то есть нашего официального, если хотите, соперника. Минимум геокультурного.

Я проанализировал программу конференции и был глубоко удивлен, что много обсуждается исследований, проектов, но никто не обсуждает, что школа должна учить, учить мыслить.

Следующий момент. Здесь, на конференции, я буду говорить о четырех типах новых институций. В этом смысле я согласен со Смирновым по поводу того, что у нас институтов нет. И согласен с Игорем Реморенко, который говорит, что у нас институтов в школе

нет, потому что все институты у нас сделаны одинаково. У нас младшая школа устроена так же, как старшая.

В связи с этим мне кажется, что обсуждение переходов должно быть жестко связано с обсуждением новых институциональных ядер. Я могу назвать четыре ядра, которые вы все не любите. Есть хорошая поговорка – когда караван поворачивает, то хромой верблюд становится впереди всех. Ну и караван, значит, уже поворачивает.

Первый переход – это переход от открытого или дополнительного образования к основному образованию и наоборот.

Второй переход – я считаю, что это переход человека из производственной сферы в сферу корпоративного университета.

Третий переход – это переход из основного образования в сетевое образование. Это, прежде всего, проект сетевых старших профильных школ.

Четвертый переход – это переход из государственного образования в частные школы и назад – из частных школ в государственные вузы.

Сергоманов П.А.: Правильно ли я вас понял, вы хотите рассматривать переходы от «времени» к современности?

Попов А.А.: Здесь две мысли. Первая связана с тем, что вы говорите. Мне кажется, что мы должны очень серьезно рассматривать возникновение новых институций в образовании, а не просто модернизации. Но дело в том, что молодые россияне нас не ждут. Кроме того, они нас не любят. Они пытаются что-то сделать своими силами. Я призываю вас увидеть эти переходы и взять под свой контроль, в том числе и под финансовый. Иначе за вас это сделают другие институты.

Сергоманов П.А.: Кого вы имеете в виду, когда говорите, что «они нас не ждут»?

Попов А.А.: Поколение 15 – 20 лет, которые не интересуются тем, что мы с вами уже 14 лет обсуждаем.

Смирнов С.А.: Речь идет об институализации перехода как феномена. В смысле это не внутри перехода как феномена сначала решается, а вовне. И создание института перехода пока на уровне инициатив и локальных проектов, а институции перехода еще не выстроены.

Тарасов Н.Н.: Я неловко себя чувствую в этой философско-педагогической среде. Все слишком методологизировано. Я попытаюсь отреагировать с позиции педагога высшей школы, профессора высшей школы. Я из той высшей школы, которая готовит к конкретной профессии и которая смотрит на среднюю школу как на некоего поставщика материала.

Мне сложно обсуждать, состоялись у нас переходы или нет. Есть у нас этапы или нет, какие они. Понимаете, последние 15 лет мы находимся в переходном состоянии. У нас государство переходного типа, политика переходного типа, сегодня с любопытством узнал, что и педагогика у нас тоже переходного типа. И оказывается, уже существует новая физика, математика и геометрия переходного типа, не похожая ни на что. Я узнал много любопытного. Это внушает с одной стороны оптимизм, что наши коллеги-педагоги не стоят на месте, а с другой – вызывает опасения. И я хотел бы высказать их.

Я как юрист (а юристы, вы знаете, мыслят в очень точных дефинициях), когда начинается обсуждение переходов и их обеспечения без попытки определить само понятие «переход» и что под этим понимается, впадаю в легкую растерянность. Потому что я имею смутное представление о том, что такое фазовый переход, допустим в физике, что такое социокультурный переход, но что такое переход в образовании, я не знаю.

Я хотел бы обратиться к вам вот в каком смысле. Я считаю, что обсуждать переходы очень удобно, потому что это безответственно. И безответственно вот почему. Ведь вы понимаете, что образование само по себе никому не нужно. Оно будет таким, какие мы определим тенденции. Вот под эти тенденции можно придумать какие угодно этапы и какие угодно переходы. И если посмотреть в историю, таких переходов и этапов придумывали сотни.

Мне кажется, что проблема не в этом – нужно смотреть на содержательные характеристики того, что сейчас называется этапами, и между чем есть переходы. Уважаемые педагоги, к нам в профильную школу приходят люди, которые не умеют читать, не умеют писать. Не обладают мнемическими способностями, не могут организовать или структурировать свое сознание. И можно придумывать любые переходы и задавать любые основания для классификации этапов и типов перехода, но мне кажется, что основная проблема педагогики не здесь. Это, конечно, хорошо, что мы стремимся к гуманитарному обществу. Но мне всегда становится не по себе, когда в такой идеологии самолеты водят летчики, получившие очень общее образование, когда я прихожу к врачам, которые получили очень общее медицинское образование. А вот когда мы попадаем еще и к моим коллегам-юристам, которые получили очень общее образование, то тогда беды еще больше.

Поэтому мне кажется, что нужно обсуждать другие акценты. В чем возникли проблемы в средней школе, что в высшей школе на сегодняшний день, с моей точки зрения, не может обеспечить удовлетворительного и современного этапа профессионализации?

Карлова О.А.: Я понимаю стремление дать в высшей школе, как и в средней, качественное образование как своеобразный фундамент, чтобы стартовать дальше. Но при этом нами еще владеют штампы. Например, мы говорим – вот, мы находимся в переходном обществе, дорогие коллеги. Я позволю утверждать, и не я одна, что весь мир в XXI веке, вся мировая экономика, мировая политика являет собой это самое движение. Естественно, что, находясь в этом колоссальном движении, каждый чувствует, как за последние 5 – 10 лет его жизнь ускори́лась. И это не потому, что мы становимся старше. Это изменение пространства и времени вокруг нас, в том числе и профессионального движения. И в этом смысле понятно желание закупорить эти процессы, дабы локализовать и понять – смотрите, у нас тут держится. Но вот высшую школу мы должны уж сделать такой... Какой? Чтобы вообще ничего не двигалось? Вот у нас в Красноярске сейчас есть среднее специальное училище, которое готовит специалистов по ремонту «Москвичей». Давайте выйдем на улицу и посмотрим. У нас много осталось «Москвичей» в Красноярске?! У нас есть заводы, которые выпускают шины для этой машины. Но не для тех машин, которыми сейчас пользуются люди.

Мы перешли в ситуацию движения, и поэтому переход – это наше функциональное состояние. И чем моложе поколение, тем у них это органичнее. Нам это сложнее в силу того, что мы сформированы в XX веке. В этом смысле у меня вопрос к педагогике XXI века, точнее не столько к педагогике, сколько к педагогу. По сути мы обучаем этих людей, людей XXI века, педагогическими техниками века XX и не фиксируем эти причины, потому что эти техники внутри нас.

Я хочу подчеркнуть важную вещь – если переход необходим, то он должен быть технологичным. Это единственное, чем мы можем защититься в данной ситуации. А это и означает институциональность. Нужно понять, как это происходит. Отрефлексировать это и сделать наиболее оптимальным. Не будет высшего образования, которое не подвержено изменениям. Или это не будет образованием XXI века.

Лученков А.В.: Начну с того, что понятие «переход» мы начали использовать слишком резко. И смыслы его теперь очень сильно расширились. Мы говорили про одни переходы, про другие. Призываю пояснять, какие переходы мы имеем в виду.

Я буду говорить про два перехода. Первый – так называемый вертикальный. Он, как я понимаю, и является основой этой проблематики. Вертикальные или, если угодно, возрастные могут быть спроектированы, то есть признают, что существует проект (слово, введенное в дискуссию сейчас). Однако остается вопрос,

выстроены институты сейчас или существуют только попытки строительства институтов под эти проекты.

Само по себе, как мне кажется, выстраивание таких институтов должно признавать наличие перехода между ними. Например, есть начальная школа, школа подростковая, есть старшая школа. Эти переходы существуют только потому, что институты должны отличаться. Поскольку они должны отличаться, отсюда возникает проблематика.

Во-первых, границы этих институтов проходят через паспортный возраст обучающегося. Технологии педагогов, а также технологии по подготовке педагогов, то есть какие должны быть педагоги и как они должны работать. Кроме того, обсуждая технологию работы внутри таких институтов, надо понимать, и здесь можно тоже обсуждать, что эти технологии, как минимум, должны учитывать, что один этап заканчивается, начинается другой, или другую сторону, что мы принимаем ребят, которые пришли из другого нормативно устроенного института.

И совсем еще новый переход. Не знаю, можно ли считать, что он существует. Это такой межинституциональный, возможно, внутривозрастной – горизонтальный. Это переход к очным формам обучения, с возникновением виртуальной реальности, к частично или полностью виртуальному образованию, то есть использование сетей интернет и прочих компьютерных технологий. Я думаю, что это также пространство для обсуждения. Потому что кое-какой опыт работы с этим уже есть.

Долгушина И.В.: Сразу извиняюсь за то, что не знаю многих терминов, которые здесь звучали и, думаю, будут звучать в ближайшие три дня. Я не педагог.

Я буду выступать, как говорит Борис Иосифович, в двух ипостасях. Первая – это родитель и другая – это работодатель. С одной стороны, с самого начала я вам поставляю детей, с которыми вы потом что-то делаете, и с другой - в качестве работодателя, я потом получаю произведение или брак ваших рук и что-то с ними делаю дальше.

Поэтому позвольте мне не на профессиональном языке сформулировать некий социальный заказ. В какой-то степени от родителя, в какой-то - от работодателя. Кого мы хотим видеть после того, как вы, уважаемые педагоги, что-то делаете с ними?

Переходный сегодня период, не переходный, мне все равно, потому что жизнь она одна-единственная для всех и не важно, в какие переходные, перестроечные дела она попадает. Она все равно должна быть успешной и счастливой. Так вот, как мама, я бы хотела видеть

своих детей умеющими проектировать свою жизнь, прежде всего, проектировать свое образование, свои взаимоотношения, свою карьеру, семейную жизнь. И с другой стороны, я тоже хотела бы видеть специалистов, которые не просто приходят ко мне с дипломом, в котором написано, например, журналист, инженер и т.д. А люди, которые не по книжкам изучают свою профессию.

Поясню, что я имею в виду. Вот эти самые переходы, о которых вы тут по-научному говорите, на мой взгляд, сформулированы жизнью и находятся в действии. Пример: переход из общеобразовательной школы в высшую. Также летняя школа – это возможность для восьми-, девятиклассников погрузиться в высшую школу за месяц до учебы, либо подготовительные курсы, это тоже своеобразные переходные этапы. И когда человек приходит в высшую школу либо в ПТУ. Я приветствую возможность и учиться, и уже начинать работать. Работать на телевидении, в газетах, в журналах. Моя практика показала, что наиболее успешными являются те специалисты, которые пришли на телевидение на первом, втором курсе. Поэтому я предлагаю, уважаемые педагоги, обращать внимание в вашей работе не только на теорию, но и на востребованность результата вашего труда, пожалуйста, проектируйте в том числе и эти переходы. Как бы там ни было, пионеры, комсомольцы, коммунисты, как в свое время это было, переходы эти до нас придумали. Просто сегодня, наверное, нужно будет помочь тому, что жизнь уже подсказывает. Для того чтобы эти переходы были во благо ребятишкам, которые уже сегодня начинают участвовать в реальной экономике, реальной социальной жизни, а завтра встанут у руля и в том числе окажутся в этом зале.

Магомедов П.З.: Я являюсь представителем начального профессионального образования. Когда на форуме идет обсуждение образования, системе НПО остается последнее место. К сожалению, это факт, потому что на нас финансов тратится меньше, чем на общеобразовательное и высшее образование. Контингент учащихся у нас меньше, чем в общем образовании.

Но, исходя из начала дискуссии, хочется сказать о проблемах системы НПО. Если мы сейчас в общем и высшем образовании только обсуждаем переход, то в системе НПО уже возник институционный конфликт. В чем же он заключается? Это конфликт между нашей системой профессионального образования и системой рынка труда. Сегодня мы, к сожалению, как система профессионального образования, препятствуем тому, чтобы молодые кадры, молодые ресурсы выходили на рынок труда. Почему так происходит? Потому что та система, которая существует сегодня при

исполнении того госзаказа, который мы выполняем, не дает возможность быстро подготовить молодого человека к рынку труда. Это я жалуясь на госзаказ, на те экономические проблемы, которые у нас возникают.

Система начального профобразования, в отличие от других систем образования, находится сегодня в самой настоящей институциональной ловушке. Что я имею в виду? В первую очередь, система не может вести рыночные отношения. Простой пример – система НПО должна принять учащегося без всякого конкурса независимо от того, способный он или нет. Это написано в Конституции. Мы обязаны предоставить учащемуся это образование. Вопрос – какое образование можно дать учащемуся, который закончил девять классов далеко не успешно? Какие-то выходы из этого положения должны быть. Институциональная ловушка возникает и с экономической точки зрения. Как ни парадоксально, но представителю НПО говорят, что те экономические ресурсы и средства, которые в нас вкладываются сегодня, способствуют только нашему жизнеобеспечению. Понимаете, система НПО работает только сама на себя, к сожалению, востребованность наших специалистов очень маленькая. И мой коллега привел пример, что на «Москвиче» уже не ездят, но государственный стандарт сегодня требует обучения техническому обеспечению именно «Москвичей».

Следующее, о чем я хотел бы сказать, – это социально-экономические условия, которые загоняют нас в институциональную ловушку. Слабая подготовка учащихся не позволяет нам предъявлять им те требования, которые действительно необходимы. В результате что мы начинаем делать? Слабому учащемуся выставаем какие-то оценки, сами себя загоняя в определенный тупик.

Если говорить о таком дисбалансе, как инженерно-педагогические отношения работников и учащихся, то в системе НПО основная масса педагогов и инженерных работников – это люди пенсионного возраста. И, к сожалению, обновление кадров не предвидится. Не буду объяснять вам, по каким причинам, вы это и сами понимаете. Какие выходы из этого?

На данной конференции предлагается обсудить несколько направлений изменения институциональных переходов – это, в первую очередь, создание элитных профессиональных учебных заведений, в которых действительно сконцентрируются все материальные и умственные ресурсы, которые позволят удержать уровень в НПО. Принят федеральный закон об автономных учреждениях. Это решение дает возможность образовательному учреждению самостоятельно использовать финансовые средства, а

нашему подростку в социальной камере перехода – еще раз повторяю, не в камере ожидания, а в камере перехода – заниматься производительным трудом и зарабатывать какие-то средства. Хотелось бы, чтобы мы обсудили на секциях и такой вопрос, как сетевые образовательные программы.

У нас есть уже такой практический опыт – профессиональный лицей №56, 16-я, гимназия, 10-я, где работает сетевая образовательная программа, где учащиеся уже получают элементарные навыки той профессии, о которой они не имели представления. Мне кажется, что это тоже предмет для обсуждения на данной конференции.

Клешко А.М.: Дамы и господа, я постараюсь быть кратким. Поскольку моя деятельность связана с институтами гражданского общества, и я имею дело с обществом, то я в этом смысле придерживаюсь более консервативного понятия институтов и институализации. Поэтому, с моей точки зрения, не всякое оформление является институализацией. Поэтому у меня, возможно, наиболее прямой ответ на поставленные вопросы.

Во-первых, есть ли необходимость строить переходы в образовании? Вот здесь поставлю точку – есть.

Как самостоятельный институт – не знаю. Мне кажется, что если каждый переход оформлять как самостоятельный институт, то количество институтов будет расти в геометрической прогрессии. Потому что переход из одного института в другой повлечет за собой создание переходов между институтом, институтом перехода и опять институтом. И, соответственно, мы получаем схему: институт, институт перехода в переход, институт перехода...и т.д., и так они будут клонироваться до бесконечности.

Если мы попытаемся честно ответить на третий вопрос панельной дискуссии, есть ли у нас образцы подобного, то я могу привести только один такой образец институциональных переходов, который возник в значительной степени искусственно. Я говорю конкретно о переходе из общего образования в высшее образование. Когда переход и его проблема были сформулированы на разрыве требований к выпуску одних и поступлению их же в другой институт.

И, соответственно, этот более мощный институт под названием «высшее образование» создал институт курсовой подготовки, институты репетиторства, частного бизнеса и т.д., которые просто зарабатывали на этом искусственно созданном разрыве. В этом смысле создание института носило прежде всего экономические мотивы. Это мой единственный пример, и я не считаю его таким уж удачным и успешным. Потому что любой институт, формируемый на

искусственно созданном разрыве, является, с моей точки зрения, институтом, который развращает общество и всех участников профессионального сообщества.

Я считаю, что не закрываю вопрос о возможности переходов, если общество настолько изменилось, что сам переход уже становится совершенно особой деятельностью, видимо, необходимо это где-то формировать и из этого делать самостоятельный институт, но пока не понятно, как и где это должно происходить.

Между тем я считаю, что в дискуссии крайне некорректно ставится вопрос о специальном оформлении институционального перехода и строительства перехода. Полагаю, что в современном обществе успешные социальные профессиональные институты должны включать в себя деятельность по адаптации человека и подготовке его к выходу или, точнее, к переходу в иное состояние.

Реморенко И.М.: Я думаю, что складывается два направления дискуссии. И можно по каждому увидеть, как будет реагировать система управления и что будет происходить в процессе образования, если то или другое возьмет верх.

Первое направление дискуссии – никакого перехода специально надумывать не надо. Не должно его быть. Есть разные образовательные ступени. И ценность их в том, что между ними некая пустота. То есть закончим одно, затем пережили некий кризис - и на другую ступень. Никакого специального перехода оформлять не надо и в этом смысле можно обсуждать варианты снижения рисков. Вот когда я работал в школе, мы устраивали пресс-конференции для 3-го класса, для учеников, которые идут в 4-й. К ним приходили ученики 4-го класса и знакомили их с тем, какой ужас с множеством учителей и переходами из класса в класс их ожидает. Потом были совместные игры. То есть никакого перехода нет. Идет накладывание одной ступени на другую, при этом можно увидеть как на завершающей стадии, на предыдущей ступени образования построить пробу последующей образовательной ступени. Некоторая плавность, снижающая риски.

И второй подход – да, такой переход нужен. Нужен некий обряд инициации. Тогда, когда психолого-педагогическое сообщество сообщает чиновникам, что нужны обряды инициаций, чтобы трудно было, чтобы почувствовали, чем отличается одно от другого, мы начинаем всякие ЕГЭ придумывать.

Сергоманов П.А.: Правильно ли я понимаю – там, где случается барьер, появляется институт. То есть не всем доступно, не все могут перейти?

Реморенко И.М.: Ну, есть также ситуация, в которой нужно отсеивать, грубо говоря. Последняя ступень жестко не доступна. И вторая ситуация – нет, барьер не нужен и нужно снижать риски.

Сергоманов П.А.: У меня тогда такой вопрос. Есть еще один переход – это переход из детского сада в младшую школу. Там барьеров нет, но если обратиться к взгляду родителей, к ощущениям первоклассников и спросить, есть ли у ребенка субъективное ощущение перехода и строится ли переход для ребенка, для школы и т.д., я скорей всего отвечу, что есть. Потому что это другое отношение, другая обстановка, ребенок попадает в абсолютно по-другому устроенный мир. В этом смысле, несмотря на отсутствие барьеров, есть переход.

Реморенко И.М.: Это первая ситуация. То есть тогда мы другую задачу решаем. Мы не барьер выстраиваем, а решаем, как это самое наложение осуществить, как нам этапы предыдущей ступени обустроить так, чтобы переход на следующую ступень был с меньшими потерями.

Карлова О.А.: Ну, у нас же с вами есть другие площадки. Вот мы сейчас рассматриваем барьер как основание отсева. Так ведь можно рассматривать не как отсеивание учеников, а их рассеивание. То есть у нас есть разные дети, с разными способностями. Когда некоторые лица у нас стали профессиональными и появились профессиональные классы, это была ситуация рассеивания детей для будущей, возможно, профессии.

Клешко А.М.: Я не говорю про барьеры. Я говорю про то, что нельзя заниматься институализацией каждого перехода. Потому что в этот момент возникает еще один переход, и еще один. Я говорил про это. Про то, что мы жертвы того, что хотим глобально решить проблемы.

Тарасов Н.Н.: Уважаемые коллеги, можно вклиниться в вашу содержательную беседу? Я бы хотел ответить на поставленные организаторами вопросы о задаче и направлениях обсуждения. Вот если предельно жестко сформулировать основные сложившиеся направления, я бы с И.М. Реморенко согласился полностью. Только добавил бы еще одно – оно, как мне кажется, здесь явно не прорисовалось, но в некотором латентном виде в аудитории витает. По крайней мере, это мое впечатление. Я бы сказал, что есть еще одно очень перспективное направление обсуждения – понять, что же такое переходы. Потому что сколько людей здесь употребляло это понятие, каждый употреблял в своем смысле. Понимаете, когда мы на метафорах и некоторых поэтических образах будем это обсуждать, мы, конечно, получим удовольствие, но практический результат вряд

ли. Поэтому есть еще одно очень перспективное направление для обсуждения, где мы должны зафиксировать – что мы не знаем, что такое этапы, насколько они оправданы. Мы не понимаем, что такое переход, как, где и в какой проблематике это использовать.

Смирнов С.А.: Средняя и высшая школа находятся в конфликте и выхода не находят, потому что живут в разных мирах.

Вот приходит человек из средней школы в вуз и испытывает шок, он не понимает, что ему делать. В итоге выпускные классы превращаются в подготовительные, чтобы подготовить этих детей к поступлению. Высшая школа поднимает планку, а профессура идет в среднюю школу, чтобы готовить себе абитуриентов уже там. И учителя в мыле все. И опять же все олимпиады превращаются в учебные подготовишки.

Заметьте, ситуация принципиально конфликтная и в этой схеме не решается.

Алексей Михайлович прав – городить институты – это не выход. Сама модель высшей школы и средней школы должна быть построена по-иному. Таким образом, пока повсюду конвейерная схема, мы конфликт не решим.

Попов А.А.: Первое, что я хочу сказать: институционализация – это не обязательно создание нового учреждения и т.п.

На самом деле это все придумали не педагоги, а медики. Это они начали придумывать новые болезни, чтобы к ним шли люди и денег больше отдавали за то, чтобы они лечили эти болезни. Это перехватили аптекари. Они решили создавать много лекарств от многих болезней и вступили в конфликт с медиками, чтобы медики рецепты не писали. Потому что без рецепта больной может больше денег отдавать аптекарям. Потом это были юристы и т.д.

Когда устроители конференции ее создавали, они имели в виду институты человека, переходные институты человека. В этом смысле мы должны придумывать переходы внутри школы, внутри вуза.

II этап панельной дискуссии

Воронцов А.Б.: У меня три фиксации. Во-первых, мне кажется, что вы здесь рассматривали три вида переходов.

Первый вид – это возрастные переходы. Например, от младшей школы к подростковой школе и т.д.

Второй вид – это переход из школы в вуз. Он не возрастной.

Третий тип – переход, который обсуждал А.А. Попов, – горизонтальный. А, следовательно, если есть несколько типов переходов, то и все действия к ним должны быть разными.

Во-вторых, мне было бы интересно пообсуждать такие связки:

- «непрерывность - переход»; мы давно говорим о непрерывности как противоположности перехода. С моей точки зрения, переход как раз дает возможность построения непрерывности;

- «преемственность - переход»; в каком отношении находятся эти понятия. Мы говорим о переходе как о некотором институте, который решит проблему преемственности возрастов, которую мы, возможно, не смогли организовать.

И, в-третьих, с точки зрения отечественной психологии, о возрасте и кризисе написано много. Но нет педагогики. Нет инструментов, которые бы позволяли построить эти переходы педагогически грамотно.

Блинов Г.Н.: Я считаю, что нужно очень четко развести проблематику перехода в роли прогрессорства и натурализма. Ну, это натурально понимаемое «от ступени к ступени», и прогрессорство – это от одного качества к другому. На мой взгляд, педагогика развития потому и появилась, что она стала противопоставляться этому подходу и, в частности, феномену перехода. И также ключевая идея состояла как раз не в горизонтальном, не в натуральном движении, а в вертикальном. То, о чем говорил уважаемый коллега Смирнов. И это задается через переход, который случается как движение от позиции к позиции. И благодаря конференциям удалось в сфере образования отстроить позицию учителя – позицию тьютера. А что мы имеем с точки зрения карты позиций для ученика? Ну, начинают пробиваться некие позиции из дополнительного образования. Например, позиция проектировщика. Хотя это очень большой вопрос.

В этом смысле другая линия была бы более продуктивной, если бы мы обсуждали позиционную карту с точки зрения ученика, какие позиции он, в принципе, может занимать, а уж потом на это накладывать институциональные преобразования. Иначе мы попадем в натуралистическую линию, которая лет 20 уже есть.

Сапожников В.А.: Я согласен с И.М. Реморенко. С моей точки зрения, ступени – это не просто ступени как таковые, а есть некая динамика, накопление, развитие интеллектуальных способностей – это младшая школа, детский сад, а в старшей школе и вузе – это развитие компетенций.

Я буду рассматривать высшее образование. И, теоретически, где эти переходы действительно нужны – это переходы между курсами. А сейчас, при переходе на трех ступенчатую систему, это бакалавриат, магистратура, аспирантура. Вот мы говорим про внутренний и внешний процесс образования. Больше, конечно, говорим про внешний. Но общество меняется и выстраивается траектория

получения знаний, компетенций – самостоятельное обучение. Кроме того, мы тут говорим про стандарты – это мы рассматриваем учащихся как пассивных. Но у обучающегося для того, чтобы удовлетворить заказчика, должна быть мотивация, и он должен активно в этом процессе участвовать. То есть на те процессы, которые мы здесь обсуждаем, накладывается еще участие самого обучающегося. Он должен выбирать траектории. Вот понятие вертикали и горизонтали я по-другому понимаю. Например, на первом – втором курсе студент еще мало чего понимает. Он учится и на 2-3-м курсах и решает заняться каким-либо предметом – это он по горизонтали пошел. Затем он идет по вертикали, – когда уже задумывается о своем профессиональном самоопределении, рынке труда и пр.

Итак, моя главная мысль – мы здесь много говорили об образовательном процессе как внешнем, а неизвестно, что творится у него внутри. Но внутри есть обучающийся и он должен быть активным участником всех этих переходов и самого процесса обучения.

Митрофанов К.Г.: Первое, что мне хотелось бы отметить по сегодняшней дискуссии, – это то, что выделились, как минимум, три позиции, с которых обсуждается заданная тема, и, как минимум, четыре языка, на которых это обсуждается.

Первая позиция понятна, понятна ее логика и основания. Это позиция культурно-историческая, возрастная. И там ясно, что разговор ведется о разных возрастах, о разных задачах на разные возрасты, о разрывах между этими задачами. И возникает несколько метафор или образов – это барьер между данными типами работ или типами деятельности, – это трамплины. И возникает несколько вариантов, как такие переходы можно помыслить.

Вторая позиция – это тот самый язык, на котором идет разговор о переходах, – язык педагогический. И естественно, здесь возникает проблема – технологий, ценностей. И не случайно идет разговор о новых технологиях в новых ситуациях, о сетевых вещах. И другая вещь, которая кажется мне интересной, – это то, что современное образование требует на самом деле некоторых рефлексивных остановок. То есть неких мест, где происходит сборка того, что было до того. Тогда понятно, что переход – это не непрерывная система, не дискретный, а, извините меня за слово, перманентный по большому счету процесс.

И есть третья позиция, которая являет себя здесь достаточно четко, – это управленческая позиция и управленческий язык. И тогда надо говорить о том, от чего и почему возникла такая идея для

управленцев, для проектировщиков системы образования. Что здесь происходит? Ведь речь идет о тех подвижках и тех институтах, которые заполняют пустоты, на которые у нас не хватает времени и сил. И тогда от нас уходит и экономика, и финансы. И здесь были явлены такие места, о которых мы раньше даже не думали. И вроде бы в системе образования они не предусмотрены. То есть если мы этим не займемся, тогда этот процесс пойдет естественно. И поэтому возникает вопрос о стандартах. То есть очень любопытная вещь, меняется система требований и изменяются вместе с тем требования к разным возрастам. У нас есть некоторые социальные вещи, которые изменяют эти задачи. Но есть и другие изменения, которые происходят, например, извините, ребята, за тривиальность, потому, что у государства денег больше стало. И если в первом случае задачи доступности – это задачи от бедности, государство начинает переходить к задачам качества – это, простите меня, означает уже богатство. А если задача качества – то возникают разного рода вопросы с оценкой этого качества, с аттестацией, с лицензированием и этих самых переходов. И это и есть та вещь, которая инициирует разговор о переходах, и вопрос, что делать с этим? Я абсолютно согласен с мнением, что надо переходить от линейной логики представлений образования прописывать эти места. Как в матрице. Где у нас на самом деле, возникают разные типы образованности и переходы от одного к другому – горизонтальные, вертикальные, какие хотите.

Ковалева Т.М.: Когда мы говорим на уровне метафор, мы интуитивно чувствуем, что такое переходы. Но я хотела бы продолжить одну линию, которая здесь уже звучала – мы совершенно потеряли предметность, что такое институт. Вот у нас в аудитории «плавают» разные смыслы. Нам кажется, что любое оформление есть институализация.

Как минимум, в этом есть три смысла. Кто-то говорит, что институт - юридическое оформление. Когда мы говорим в педагогическом контексте, то нам кажется, что только мы изобретаем какую-нибудь технологию, например, какой-нибудь переход ценный, и мы делаем технологии воспроизводства этого перехода. Тем самым вроде бы институализируем.

И, наконец, третий момент, который тоже социально позиционный. Если есть позиции, которые держат ценность этого перехода, мы тоже институционализируем. С этой точки зрения, я бы хотела, чтобы мы, гости и организаторы конференции, вернулись в самое начало и ответили, зачем нам вдруг в педагогическом сообществе понадобилось обсуждать институт, например, в отличие

от инфраструктуры? Мы всегда говорили – если нам ценно что-то было делать в педагогике, то мы придумывали условия, как это воспроизводить и разрабатывали технологию и тем самым говорили, что мы создаем инфраструктуру.

Теперь мы перешли на следующую точку жесткости. Тут я согласна, института без юридического оформления не бывает. Вы можете сделать очень богатую инфраструктуру, но она в социальной действительности не будет представлена институтом. И мы это прекрасно понимаем. Поэтому, если мы все-таки хотим обсуждать институциональное оформление, мы должны понять, какую вообще прибавку оно нам дает, зачем оно нам надо, в отличие от инфраструктуры.

Куимов В.В.: Я бы хотел начать немного в другом ключе. Зачем мы все это обсуждаем? С моей точки зрения, скорее всего назрела необходимость понять, кого, зачем и с какими качествами мы готовим? Мир в период глобализации уже становится таким, когда лично гражданин и отдельная группа, в частности, 2, 5, 10 человек могут конкурировать на мировом уровне с самыми крупными компаниями. И если мы думаем, когда и как таких людей готовить, то нам стоит обсуждать переходы, о которых мы здесь говорим. Для меня переход – это проверка некоторых качеств. Прибавил ли ты к своему будущему, будущему специалиста что-то?! И с этой точки зрения, переходы нужно пытаться проектировать. Не зря я рассказывал об образовании в Японии. Они сдают экзамены каждый год, и это экзамены не на знания, а проверка на способность концентрироваться, преодолевать трудности и доказывать, что ты что-то успешно можешь сделать за это короткое время. Вот это и есть подготовка к будущему, которая пригодится ему для нового мира, для участия в нем. Вот если это проектировать, тогда в этом есть смысл.

И второе, что я хотел сказать. По сути, политика, образование – это движущие силы, которые ведут от бедности через восприятие справедливости к новым качествам, которые человек может лично перейти, и это значит, что общество тоже перейдет. Так вот, есть ли в сегодняшнем образовании, когда мы говорим про переходы, какие-то пути, качества и направления, которые бы вырывали из маргинальной среды учащегося из столетиями сложившегося рода и прививали новые качества, когда он становится успешным, воспринимая это как справедливость, а дальше он сам становится благоприятно развивающийся, как и вокруг него общество: его семья, род и т.д. Я бы хотел отметить, что мы обсуждаем не какие-то абстрактные вещи, а те вещи, которые готовят человека к будущему через ваши переходы. Тогда их надо проектировать.

Клешко А.М.: Я бы хотел добавить, поскольку имею непосредственное отношение к работодателям, что, к сожалению, их озабоченности мы пока не наблюдаем. В целом в Российской Федерации. Чего, кстати говоря, демонстрирует очень простой пример – все эти гранты, конкурсы и программы, о которых вы говорите, курируются во всех крупных корпорациях не департаментами человеческого развития, а департаментами PRa. И если бы они думали так же, как и вы, то они бы сидели здесь и обсуждали эти проблемы. Потому что, конечно, дешевле помочь образованию уже в готовых институтах, а не помогать строить образование.

Сергоманов П.А.: Уважаемые коллеги, мы должны заканчивать дискуссию. Вопросов возникает много. Я вынужден завершить панельную дискуссию изречением одного философа, который сказал: чтобы учредить какой-либо институт, надо профинансировать его. Давайте мы будем объединять свои усилия, и финансовые в том числе, на осмысленные институты и образовательные переходы.

Спасибо большое.